

Стратегии маркирования объекта в христианском урмийском идиоме села Урмия

В. П. Шувалова

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
varvarka5369@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6145-1026

Аннотация. В христианском урмийском (северовосточные новоарамейские < семитские) объект факультативно маркируется индексом или предлогом. Проверяется влияние выделенности объекта и информационной структуры на маркирование. Выборка включает элицитацию, спонтанные тексты и перевод сказки. Влияние первого параметра соответствует типологическим ожиданиям, запреты есть на маркирование предлогом неодушевленных объектов и отсутствие маркирования на локуторах. Информационная структура задает следующие тенденции: предлогом маркируются объекты: (i) при смене роли, (ii) при наличии других референтов в трех предшествующих клаузах и (iii) при большой вовлеченности объекта.

Ключевые слова: маркирование объекта, именные иерархии, информационная структура, новоарамейские языки.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00312 «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России».

Я очень благодарна Н. В. Сердобольской за консультацию по работе с исследованием информационной структуры в поле.

Object marking in the Christian Urmi of the village Urmiya, Russia

Varvara P. Shuvalova

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); varvarka5369@gmail.com; ORCID: 0009-0006-6145-1026

Abstract. This paper is dedicated to the Differential Object Marking system in the Christian Urmi idiom (NENA dialects < Semitic < Afro-Asiatic language

family), spoken in the village of Urmiya, Russia. Both indexing and flagging are employed in this idiom for object marking, with either technique showing rather optional use. The paper investigates the way the prominence of a direct object on the one hand, and the informational structure on the other, influence the object marking. The study is based on material that includes texts obtained by elicitation, recorded spontaneous texts, and a fairy tale translated specifically for the research. The findings show the effects of the direct object's prominence to be typologically expected, with the following restrictions coming into play: inanimate objects cannot be marked by flagging, while interlocutors, on the contrary, tend to be more frequently marked by means of flagging. Christian Urmi has three sets of indexes that are selected depending on the aspect and tense form of the verb. The frequency of using these sets of indexes varies greatly, with flagging preferably chosen for past tense and indexing mostly found with present-stem-derived forms. In progressive and resultative tenses, indexes and flagging show equal frequency of occurrence. The influence of the informational structure seems to be as follows. Flagging is used to encode direct objects which have been a) shifted from their subject role, b) disrupted by other referents in the immediately preceding register, or c) which occur with verbs that imply a high level of the object's involvement.

Keywords: differential object marking, verb indexing, flagging, information structure, Semitic, Neo-Aramaic.

1. Введение

Дифференцированное маркирование объекта (далее — DOM) [Aissen 2003; de Swart 2007; Iemmolo 2011] — это сосуществование в языке нескольких типов маркирования участников, обусловленное грамматическими или семантическими свойствами участников или глаголов. В данной статье исследуется это явление на материале христианского урмийского идиома (ассирийские новоарамейские < северовосточные новоарамейские < арамейские < северозападные семитские [Hammarström et al. 2022]), материал о котором был собран в селе Урмия (Краснодарский край).

В исследуемом идиоме существует два типа маркеров прямого объекта, каждый из которых не является обязательным: вершинное маркирование и зависимостное маркирование (предложной группой). При этом в целом выделяются три стратегии оформления переходной конструкции: маркирование объекта с помощью предлога *ka* (1), маркирование объекта суффиксами на глаголе (2) и отсутствие маркирования (3). Одновременное маркирование предлогом и суффиксом чаще всего запрещается (4).

- (1) *Diva* +*bəkʔal=əl* *ka* *tavərta*
 волк(М) убить.PROG=3М **к** корова(F)
 ‘Волк убивает корову’.
- (2) *Diva* +*bəkʔal-o=l* *tavərt-i*
 волк(М) убить.PROG-P.3F=3М корова(F)-P.1SG
 ‘Волк убивает мою корову’.
- (3) *yala* +*bəkʔal=əl* *katu*
 ребенок(М) убить.PROG=3М кошка(F)
 ‘Ребенок убивает кошку’.
- (4) *diva* +*bəkʔal-o=l* ***ka*** *tavərt-i*
 волк(М) убить.PROG-P.3F=3М **к** корова(F)-P.1SG
 ‘Волк убивает мою корову’.

Дифференцированное маркирование объекта широко представлено в языках мира [Siewierska 1999; Iemmolo 2011; Haig 2018], включая новоарамейские языки, см. обзор в [Mulder 2014]. В данной статье будет исследовано влияние иерархий определенности, одушевленности и лица, которые объединяются понятием выделенности объекта (prominence [de Swart 2007: 138]), а также влияние информационной структуры. Помимо этого, в христианском урмийском существует три типа индексов, выбор из которых определяется видо-временной формой глагола (подробнее см. *Раздел 2.2*). Разница в употреблении этих типов индексов также является частью исследования.

Структура статьи следующая. Во втором разделе дается краткое описание исследуемого идиома и обзор предыдущих исследований

DOM на его материале, обрисовываются методы сбора и анализа материала и вводятся исследуемые параметры. Третий и четвертый разделы содержат результаты исследования и выводы соответственно.

2. Идиом, материал и выборка

2.1. Христианский урмийский идиом

Христианский урмийский принадлежит к группе северо-восточных новоарамейских идиомов — к той группе идиомов, на которых говорят иудеи и христиане, исконно жившие на территории Северного Ирака и соседних стран [Hoberman 1988: 557]. На постсоветском пространстве живет большое число носителей новоарамейских языков, самоназвание которых — ассирийцы. Первые ассирийцы приехали и обосновались на Кавказе после русско-персидской войны 1826–1828 гг. В течение следующих полутора столетий их количество постепенно росло. В 1926 году их число на территории СССР составляло примерно 9000. Оно выросло до 21 800 в 1959 г., 24 294 в 1970 г. и примерно 25 000 в 1979 г. Однако одновременно с этим число носителей, считающих ассирийский родным, быстро снижалось [Pennacchietti, Tosco 1991: 15; цит. по Khan 2016: 5–6].

На данный момент компактное поселение ассирийцев в России существует только в одном месте — в селе Урмия недалеко от Армавира, в Краснодарском крае. Лингвистическая картина села Урмия представляет собой конгломерат нескольких идиомов, носители которых переселились на данную территорию из Ирана, Турции и Закавказья в XX веке: первая волна переселения датируется примерно 1920-ми годами, вторая — началом 90-х годов XX века [Ovsjannikova et al. in process]. В Урмии сложилась нетривиальная лингвистическая ситуация, однако в этой статье исследуется только один из идиомов, представленных в этом селе, — христианский урмийский диалект, сформировавшийся у носителей второй волны переселения, то есть «новый урмийский» идиом. Хотя урмийский диалект лежит в основе

литературного ассирийского языка, «новый урмийский» идиом села Урмия имеет свои отклонения от литературной нормы и требует отдельной документации и анализа.

Христианский урмийский является аккумулятивным языком с нефиксированным порядком слов при базовом порядке SVO. В нем нет падежного маркирования. Спряжение является полиперсональным, при этом на глаголе может выражаться как прямой, так и косвенный объект. Для прямых и косвенных объектов используется один и тот же набор маркеров, и в каждой конкретной форме суффиксально может маркироваться один из объектов.

Материал для исследования был собран в экспедициях в село Урмия в августе 2019 и 2021 годов, он состоит из корпуса устных текстов, коллективно собранного участниками экспедиций, а также элицитированных мной примеров и переводов сказки, созданной для проверки влияния информационной структуры. Выборка на основе текстов содержит 142 примера, на основе элицитации — 314 примеров, на основе сказки — 154 примера. Все данные транскрибировались с использованием системы записи, описанной в [Khan 2016] с дополнением некоторых принципов из [Церетели 1964]. Глоссы, использующиеся в работе, опираются на Лейпцигские правила глоссирования [Comrie et al. 2008].

2.2. Маркирование объекта в христианском урмийском

Как уже было сказано ранее, в христианском урмийском может индексироваться на глаголе как прямой, так и косвенный объекты. Исторически предлог *ka* маркировал только косвенный объект, однако на данный момент его зона использования расширилась и на маркирование прямых объектов. Существует три типа индексов, которые в зависимости от видо-временной формы глагола маркируют объект, их парадигма показана в *Таблице 1*, взятой из [Сай 2020: 659]. Суффиксы стоят в определенной последовательности: L-суффиксы следуют за S-суффиксами, копульные показатели следуют за P-суффиксами. Эта последовательность не реагирует на меню участников,

маркируемых суффиксами. Подробнее о специфичности данной суффиксальной системы см. [Ваerman 2007¹: 28–43; Саркисов 2018].

Таблица 1. Ряды согласовательных показателей в зависимости от вида и времени

Table 1. Subject and object person indices in tense and aspect subsystems

	Подлежащее	Объект
система инфекта (prs)	S-суффиксы (ss)	L-суффиксы (ls)
претерит (pst)	L-суффиксы (ls)	S-суффиксы (ss)
прогрессив (prog)	показатели, восходящие к копуле (1m, 1f etc.)	притяжательные показатели (p)
результатив (res)		

В *Таблице 2* ниже представлены парадигмы суффиксов, объединенные в одну таблицу. В каждом нечетном столбце, кроме последнего, даны глоссы, которые соответствуют суффиксу, представленному

Таблица 2. Парадигма суффиксов

Table 2. The paradigm of suffixes

P-суффиксы		L-суффиксы		S-суффиксы (короткие и длинные)		
P.1SG	-i	LS.1SG	-li	SS.1M	-ən	-ina
				SS.1F	-an	-ana
P.2M	-ux	LS.2M	-lux	SS.2M	-ət	-itən
P.2F	-ax	LS.2F	-lax	SS.2F	-at	-atən
P.3M	-u	LS.3M	-lə	SS.3M	∅	-ni
P.3F	-o	LS.3F	-la	SS.3F	-a	-ani
P.1PL	-an/-eni/-ən	LS.1PL	-lən/-lan	SS.1PL	-ax	-axən
P.2PL	-oxun	LS.2PL	-loxun	SS.2PL	-itun/-itux	-ituna
P.3PL	-e	LS.3PL	-lun/-le	SS.3PL	-i	

¹ В данной статье анализируется материал близкородственного идиома амадия, однако он вполне подходит и для урмийского.

в столбце справа от глоссы. В последнем столбце можно увидеть длинные варианты S-суффиксов.

В статье исследуется использование трех типов суффиксов для маркирования прямого объекта наряду со стратегией предложного маркирования. В связи с тем, что S-суффикс 3-го лица единственного числа мужского рода не имеет экспонента, т. е. является нулевым суффиксом, все вхождения с таким объектом были исключены из выборки и далее не рассматривались. Остальная выборка была размечена по типу суффикса, видо-временной форме и параметрам, описанным в *Подразделе 2.4*.

2.3. Предыдущие исследования дифференцированного маркирования в христианском урмийском

Христианский урмийский идиом лежит в основе литературного ассирийского языка. В грамматиках литературного ассирийского феномену дифференцированного маркирования уделяется мало внимания, ср. среди прочих [Церетели 1964; Агассиев 2007]. Однако в грамматике Мурре-ван ден Берг есть маленькое обсуждение этого вопроса. Она пишет, что основным параметром, влияющим на появление индекса на глаголе, является определенность прямого объекта: «If a direct object is definite ⟨...⟩, a coreferential suffix is attached to the verb ⟨...⟩»² [Murre-van den Berg 1999: 212]. Прямые одушевленные объекты вместо суффиксального маркирования могут получать предложный маркер. Кроме того, одушевленные объекты иногда могут получать двойное маркирование, но в каких именно случаях — не уточняется [Там же].

В грамматике разговорного языка [Khan 2016] отмечается, что прямой объект должен быть одновременно определенным и одушевленным, чтобы маркироваться с помощью предлога *ka* [Khan 2016 Vol. II: 256]. В целом возможность маркирования прямого объекта

² «Если прямой объект является определенным, ⟨...⟩ на глаголе появляется согласовательный суффикс». (Переведено мной. — В. П.)

предлогом упоминается не при всех временных формах глагола, ср. описание маркирования объекта на презентной и перфектной основах глагола соответственно:

«The pronominal direct object of verbs derived from the present template (+*katal*) is expressed by L-suffixes»³ [Khan 2016 Vol. I: 382].

«The pronominal object of verbs derived from the past template (+*ktil*-) may be expressed ⟨...⟩ by the inflection of the verbal template by S-suffixes or by an independent prepositional phrase»⁴ [Khan 2016 Vol. I: 383–384].

В статье [Саркисов 2017: 382–383], посвященной дифференцированному маркированию объекта в христианском урмийском, утверждается, что тип маркирования объекта зависит одновременно от иерархий определенности и одушевленности. Для удобства я представила взаимодействие этих параметров в виде следующей таблицы.

Таблица 3. Одушевленность и определенность объекта в христианском урмийском по статье [Саркисов 2017]

Table 3. Animacy and definiteness scales in Christian Urmi [Sarkisov 2017]

	Личный	Одушевленный	Неодушевленный
Определенный	индекс / предлог	индекс / предлог	индекс
Неопределенный	индекс / предлог	∅	∅

Итак, сведения трех исследователей совпадают в том, что иерархии определенности и одушевленности влияют на систему DOM, однако расходятся в деталях взаимодействия этих параметров. Так, по Дж. Кхану, предложное маркирование возможно только

³ «Прямой объект при формах глагола, образованных от презентной основы, маркируется L-суффиксами». (Переведено мной. — В. П.)

⁴ «Прямой объект при формах глагола, образованных от основы прошедшего времени, может маркироваться ⟨...⟩ флексией на глаголе с помощью S-суффиксов или с помощью предложной конструкции». (Переведено мной. — В. П.)

с объектами, находящимися одновременно вверху обеих иерархий, по Х. Мурре-ван ден Берг, любой одушевленный объект может маркироваться предложом, а по И. Саркисову, помимо определенных одушевленных объектов, предлог *ka* может маркировать неопределенные объекты, реферирующие к людям. Также интересно упоминание Дж. Кхана о разном маркировании форм, образованных от презентной основы и основы прошедшего времени.

2.4. Исследуемые параметры и создание выборки

Влияние степени выделенности объекта может быть сформулировано в виде следующей универсалии:

«If any Patient is overtly case-marked, then all Patients that are higher on the animacy scale, the definiteness scale, or the person scale are marked at least to the same extent [Haspelmath 2008: 2]»⁵

Иерархия определенности [Aissen 2003: 437]

- (5) Местоимение > Имя собственное > Определенная ИГ > Референтная неопределенная ИГ > Нереферентная ИГ

Иерархия одушевленности [Там же]

- (6) Личное имя > неличное одушевленное > неодушевленное

Иерархия лиц [Там же]

- (7) Локуторы (1–2 лица) > 3 лицо

Во многих языках система DOM не может быть описана без исследования контекстных условий, влияющих на оформление прямого объекта (см. среди прочих [Dalrymple, Nikolaeva 2011; Iemmolo 2010, 2011; Iemmolo, Klumpp 2014; Nikolaeva 1999, 2001]).

⁵ «Если пациентивный участник маркируется эксплицитно, то все пациентивные участники, находящиеся выше на иерархиях одушевленности, определенности и лица, получают эксплицитное маркирование по крайней мере в той же степени». (Переведено мной. — В. П.)

Для исследования этих факторов — информационной структуры дискурса — мной была создана сказка⁶, размеченная по параметрам, представленным в [Givón 1983]. Система Т. Гивона была выбрана в первую очередь в связи с тем, что представленные параметры базируются на наличии интересующего референта среди актантов предиката и могут быть однозначно посчитаны. Т. Гивон определяет дискурсивный статус референта на основании взаимодействия таких факторов, как референциальное расстояние (*referential distance*), вмешательство других топиков (*potential interference*), непрерывность топика (*topic persistence*), количество упоминаний в последующем дискурсе и др. [Givón 1983: 13].

Референциальное расстояние оценивает дистанцию между объектом в анализируемом предложении и его предыдущим упоминанием в дискурсе. Чем меньше промежуток между упоминаниями, тем более активным является этот референт для слушающего и тем легче тому связать новую информацию о референте с уже известной ранее. Референциальное расстояние считается количеством клауз влево до предыдущего упоминания объекта, где минимальное расстояние — упоминание в предыдущей клаузе — отмечается цифрой 1. В этом исследовании за максимальное взято расстояние в 10 клауз.

Вмешательство других топиков также напрямую связано со степенью сложности в опознании референта слушающим. Чем больше топиков было упомянуто в прямо предшествующем дискурсе, тем сложнее будет верное опознание референта. Если же референт является единственным топиком на протяжении нескольких клауз, появление новых топиков не должно сказываться значительно на верном идентифицировании. Вмешивающиеся топики должны совпадать по выделенности с топиком данной клаузы, т. е. должны быть в равной степени определенными, одушевленными и быть того же лица. За максимальное расстояние в данном исследовании взято расстояние в 3 клаузы влево. При отсутствии других топиков вхождение отмечалось цифрой 1.

⁶ Изначальный текст сказки и презентация доступны по ссылке: <https://drive.google.com/drive/folders/1L5nVZ9gJi5luBiWcKsf-sL4oz6ztlwd7?usp=sharing>

В отличие от предыдущих двух параметров, непрерывность топика опирается на значимость референта для самого говорящего. Если референт является значимым, он так или иначе сохраняется в дискурсе дольше, чем незначимый референт. Непрерывность топика измеряется числом упоминаний участника в десяти клаузах в последующем дискурсе.

Количество упоминаний в последующем дискурсе так же, как и предыдущий параметр, опирается на интенции говорящего. Считалось количество клауз, в которых референт является актантом глагола, в последующих 10 клаузах.

Перейдем к процессу получения переводов сказки. Текст сказки носители воспринимали на слух один или два раза. Аудиальный канал восприятия был выбран с целью снижения влияния информационной структуры русского языка на дальнейший перевод. После прослушивания сказки носитель пересказывал ее, при необходимости пользуясь презентацией с изображением основного сюжета. Ниже приведен фрагмент разметки сказки по дискурсивным параметрам (РР — референциальное расстояние, НТ — непрерывность топика, КУ — количество упоминаний в последующих 10 клаузах, ВТ — вмешательство других топиков). Предложения даны в обратном переводе на русский, чтобы было легче ознакомиться с разметкой.

Таблица 4. Фрагмент разметки одного из переводов сказки

Table 4. A fragment of the annotation of one of the translated tales

	Объект	РР	НТ	КУ	ВТ	Маркер
Червь не успел съесть ромашку .	Ромашка	3	0	0	1	Индекс
Сорока прилетела,	∅					
Клювом ударил червя по голове	Червь	2	1	2	3	∅
И съела червя .	Червь	1	0	1	2	Индекс
Старуха приблизилась к сороке.	∅					
Та старуху ударила клювом ⟨...⟩	Старуха	1	0	8	3	Предлог

Все объекты, использованные в сказке, имели следующие характеристики: одушевленные (кроме ромашки), 3 лица единственного числа, женского рода в христианском урмийском. Сказка была собрана у четырех носителей.

3. Результаты исследования

3.1. Именные иерархии

В таблицах этого раздела представлены данные элицитации, включающие в себя отдельные анкеты на каждый из исследуемых параметров.

Параметр лица определенно влияет на маркирование: объекты-локуторы всегда эксплицитно маркируются (в большинстве случаев — при помощи индекса), а объекты 3-го лица получают или не получают эксплицитное маркирование примерно в одинаковом количестве случаев.

Таблица 5. Иерархия лица

Table 5. Person scale

	Ø	index	ка	оба маркера	Всего
1–2 лицо	0	12	2	1	15
3 лицо	56	59	1	8	126
Всего	56	71	3	9	139

Перейдем к иерархии одушевленности. В *Таблице 6* представлено распределение данных, включающих объекты 3 лица при глаголе в форме прогрессива.

По приведенным в таблице данным можно видеть, что одушевленные объекты крайне редко встречаются без какого-либо из двух маркеров — всего в 5 % случаев. Предложное маркирование тяготеет к объектам, находящимся в самой верхней части иерархии

Таблица 6. Иерархия одушевленности

Table 6. Animacy scale

	Ø	индекс	ка	оба маркера	итого
Человек	0	9	14	8	31
Животное	3	16	8	1	28
Неодушевленное	11	12	0	0	23
Всего	14	37	22	9	82

одушевленности, — к людям; объекты-животные могут маркироваться предложом, но чаще маркируются индексом.

Неодушевленные объекты не могут быть маркированы с помощью предлога *ka*:

- (8) *baxta* +*xallul=əla* (**ka*) *šallakta*
 женщина(F) мыть.PROG=3F к дыня(F)
 ‘Женщина моет дыню’.

То же можно видеть и в устройстве маркирования вопросительных местоимений: *man* ‘кто’ в позиции прямого объекта обязательно маркируется предложом (9), а *tu* ‘что’ — никогда не получает маркера (10).

- (9) *ka man bəxzaɣ=ət?*
 к кто видеть.PROG=2M
 ‘Кого ты видишь?’

- (10) *at tu +xallul=ət?*
 ты что мыть.PROG=2M
 ‘Что ты моешь?’

Влияние иерархии определенности представлено в *Таблице 7*, в которой распределены примеры с объектами 3 лица при глаголе в форме прогрессива. Можно видеть следующие закономерности: объекты, стоящие выше на иерархии одушевленности (местоимения, имена собственные и определенные ИГ), почти всегда получают эксплицитные маркеры.

Таблица 7. Иерархия определенности

Table 7. Definiteness scale

	Ø	индекс	ка	2 маркера	Всего
Местоимение	0	3	1	1	5
Имя собственное	0	4	2	0	6
Определенная ИГ	1	19	9	8	37
Референтная неопр. ИГ	6	5	6	0	17
Нереферентная ИГ	7	6	4	0	17
Всего	14	37	22	9	82

Сочетание влияний параметров одушевленности и определенности на выбор стратегии маркирования объекта следующее. Определенные и неопределенные объекты ведут себя одинаково, если они находятся высоко на иерархии одушевленности. Единственное отличие заключается в том, что определенные неодушевленные объекты почти всегда маркируются (индексом), тогда как неопределенные и неодушевленные в большинстве случаев не маркируются, только изредка получая маркирование индексом.

В отличие от представленной выше системы Дж. Кхана, в исследуемой выборке предложное маркирование имеет более широкую сферу применения, затрагивая не только одновременно одушевленные и определенные объекты, но также и одушевленные неопределенные. Иерархия определенности, по всей видимости, в остальном не играет значимой роли в предложном маркировании.

В отличие от результатов В. Саркисова (см. *Таблицу 3*), по результатам данного исследования неопределенные объекты, реферирующие к животным, и неопределенные неодушевленные объекты все же могут получать маркирование: с объектами первой категории встречаются оба типа маркирования. Объекты второй категории скорее не маркируются, как и в результатах В. Саркисова, однако иногда все же встречается индексирование.

3.2. Время глагола

В связи с тем, что в христианском урмийском есть три системы объектных суффиксов, каждая из которых отвечает за маркирование объекта в определенных видо-временных формах, было решено проверить влияние на маркирование параметра времени глагола. В *Таблице 8* представлены данные по элицитации, включающие в себя вхождения с объектами 3 лица⁷. Были взяты только личные объекты, оформленные определенной ИГ, именем собственным или местоимением — т. е. занимающие высокую позицию в иерархиях определенности или одушевленности. В *Таблице 9* можно увидеть такие же данные по текстам и сказке вместе.

Таблица 8. Использование разных сетов суффиксов в элицитации

Table 8. Usage of different types of suffixes in the elicitation

	Ø		индекс		ка		2 маркера		итого
S-суффиксы	0	0 %	3	16 %	14	74 %	2	11 %	19
L-суффиксы	0	0 %	6	75 %	2	25 %	0	0 %	8
P-суффиксы	2	5 %	16	38 %	17	40 %	7	17 %	42

Таблица 9. Использование разных сетов суффиксов в текстах и сказке

Table 9. Usage of different types of suffixes in the texts and the tale

	Ø		индекс		ка		2 маркера		итого
S-суффиксы	1	7 %	12	86 %	1	7 %	0	0 %	14
L-суффиксы	3	17 %	13	72 %	2	11 %	0	0 %	18
P-суффиксы	11	25 %	32	73 %	1	2 %	0	0 %	44

Первым делом можно увидеть разницу в элицитированном материале и текстах: в элицитации гораздо чаще используется предложный

⁷ Формы претерита с объектом третьего лица единственного числа мужского рода были удалены из выборки, так как в этой форме нулевой объектный маркер.

маркер, даже являясь основным способом маркирования объекта при использовании S-суффиксов и P-суффиксов. Вероятно, мы можем говорить о тенденции к большему использованию предложного маркирования в целом в более отрывочной устной речи, что является интересным движением в сторону большей грамматикализации предложного маркера.

По полученному распределению в обоих типах данных можно видеть, что L-суффиксы, маркирующие объект в форме прошедшего времени (в глоссах — PST), используются повсеместно и являются ведущим способом маркирования прямого объекта. Различие в статистике данных для других суффиксов — кардинально. Но можно сказать, что P-суффиксы тоже используются довольно регулярно — будучи основным способом маркирования прямого объекта для соответствующих форм в элицитации и почти деля первое место с предложным маркированием в текстах. В видо-временных формах, требующих S-суффикса для маркирования объекта, вывести хоть какую-то общую тенденцию совершенно невозможно. Вероятно, это можно связать с историей этих суффиксов, которые, восходя к причастным формам, долго были сильно ограничены по маркированию объекта (см. об этом подробнее в *Разделе 3*). Они оказываются самыми ‘новыми’ из сетов суффиксов и из-за этого могут иметь такие флуктуации в использовании.

3.3. Информационная структура и варианты маркирования

В этом разделе не будет приведено статистических данных для определенных контекстов, так как переводы сказки отличались друг от друга и анализировались по отдельности. По полученным данным, базовым маркером прямого объекта является индексирование на глаголе. А предложное маркирование ограничено в основном косвенным объектом, с прямым объектом оно, будучи более тяжелым видом маркера, используется в определенных дискурсивных целях.

Предложный маркер используется при смене роли топика с субъектной на объектную, если топик был субъектом в подавляющем

большинстве случаев на протяжении всего предшествующего текста. В примере (11) старуха является прямым объектом, тогда как во всем тексте сказки она является одним из протагонистов и обычно занимает более агентивную роль, в связи с чем переход к роли объекта отмечается более тяжелым маркером.

- (11) +*Šučana* +*nəs-la* *ka* *sota*
 сорока(F) укусить.PST-LS.3F **к** старуха(F)
 ‘Сорока укусила старуху’.

В подобных примерах больше чем в половине случаев к предложному маркированию добавляется перенос объекта в начало предложения (left dislocation). Если в прямо предшествующем контексте этот объект был единственным топиком, он выражается личным местоимением. Левый контекст предложения (12): старуха взяла ромашку, пришла во дворец и рассказала, что с ней случилось.

- (12) *Tuni-la* *dax* *kat-o* +*nəs-la* +*šučana*
 сказать.PST-3F как **к-Р.3F** укусить.PST-LS.3F сорока(F)
 ‘Она сказала, что ее укусила сорока’.

Второй контекст использования предложного маркера — наличие трех или более топиков в прямо предшествующем контексте. Левый контекст примера (13): червь не успевает съесть мяту, прилетает сорока, ударяет червя клювом по голове и съедает его, старуха приближается к сороке.

- (13) +*Šučana* *ka* *sota* *dacduč-əla*
 сорока(F) **к** старуха(F) стучать.PROG-3F
bi +*řuz-o*
 в **к**люв(M)-P.3F
 ‘Сорока ударяет старуху клювом’.

Также предложный маркер используется при глаголах, предполагающих большую вовлеченность объекта — ‘ударить’, ‘укусить’, ‘убить’ — причем именно тогда, когда действие было реализовано, — ср. примеры (14)–(15). Однако в таком ключе предложный маркер используют только двое из четырех носителей, переведших сказку.

- (14) *sota* +*bi-la* *маху-а-ла*
 старуха(F) хотеть.PST-LS.3PL ударить.PRS-SS.3F-LS.3F

bi cipa
 в камень(M)

‘Старуха хотела ударить ее камнем’.

- (15) *ayən mxi-la ka +tuvvulta*
 DEM4.F ударить.PST-LS.F к червь(F)

‘Она ударила червя’.

Двойное маркирование объекта является крайне редким и часто запрещается носителями, но все же иногда оно появляется в дискурсе. И в собранных текстах, и в элицитации такие примеры присутствуют, хотя и в малом объеме. Все случаи двойного маркирования в текстах имеют одну общую черту: объектом является протагонист истории, то есть объект крайней дискурсивной значимости.

- (16) *Édan xəzy-á-lun kat-ó <...> šuddánta*
 когда видеть.PST-SS.3F-LS.3PL к-P.3F сойти_c_ума.RES.F

‘Когда они увидели ее, как безумную’

Пример (16) является предложением из текста о том, как женщина после войны вернула себе свой дом, который отобрали солдаты. Она является протагонистом истории, а в данном предложении оказывается в роли объекта, в связи с чем, вероятно, получает двойное маркирование.

4. Выводы

В христианском урмийском существует два типа объектных маркеров: индексы и предлог *ka*. Одновременное использование обоих средств (двойное маркирование) крайне редко может встречаться с объектами высокой дискурсивной значимости — с протагонистами рассказа. Маркирование объекта предложной конструкцией с *ka* используется реже, чем индексирование на глаголе. В целом

за каждым из этих маркеров закреплена своя сфера использования: для индекса — это прямые объекты, для предлога *ka* — косвенные. При этом предложное маркирование прямого объекта встречается, выполняя определенные дискурсивные функции: 1) смены роли одного из продолжающихся топиков с субъектной на объектную; 2) выделения одного из трех и более топиков в предшествующем дискурсе; 3) употребления при глаголах, предполагающих сильную вовлеченность объекта.

Влияние именных иерархий на выбор стратегии маркирования объекта в христианском урмийском соответствует типологическим ожиданиям: объект, находящийся высоко в иерархиях лица, одушевленности или определенности, скорее получает маркер, а объект, находящийся низко, — нет. Более подробно о каждой из иерархий:

1. Объекты-локуторы всегда получают эксплицитный маркер одного или другого типа.
2. Иерархия определенности не играет существенной роли в предложном маркировании. Индекс же отмечает почти все определенные объекты, игнорируя неопределенные или абстрактные.
3. Маркирование предлогом в целом больше свойственно объектам-людям, нежели животным. Неодушевленные объекты не могут маркироваться с помощью предлога *ka*. Этот же запрет прослеживается и в маркировании вопросительных местоимений, что является типичным для многих семитских языков.

В видо-временной системе заметна разница в объектном маркировании: индексирование редко встречается при формах, требующих S-суффикса в качестве маркера объекта — в формах претерита. В формах, где объекты маркируются L-суффиксами — то есть в формах системы инфекта, — чаще используется индекс на глаголе, чем предложная конструкция. В формах, где объект индексировается R-суффиксами — в формах прогрессива и результата, — одинаково часто встречается как индексирование, так и предложное маркирование.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; F — женский род; LS — L-суффикс; M — мужской род; P — P-суффикс; PL — множественное число; PROG — прогрессив; PRS — настоящее время; PST — претерит; RES — результатив; SS — S-суффикс.

Литература

- Агасиев 2007 — С. А. Агасиев. Грамматика современного ассирийского языка. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
- Сай 2020 — С. С. Сай. Маркирование актантов двухместных предикатов в новоарамейских идиомах села Урмия // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 654–689. DOI: 10.30842/alp2306573716224.
- Саркисов 2017 — И. В. Саркисов. Дифференцированное маркирование объекта в христианском урмийском диалекте новоарамейского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 371–392.
- Саркисов 2018 — И. В. Саркисов. К вопросу об эргативности в новоарамейских языках // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018. Т. XIV. Ч. 2. С. 380–399.
- Церетели 1964 — К. Г. Церетели. Современный ассирийский язык. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1964.
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential Object Marking. Iconicity vs. Economy. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. № 3. P. 435–483.
- Baerman 2007 — M. Baerman. Morphological reversals. *Journal of linguistics*. 2007. Vol. 43. № 1. P. 33–61.
- Comrie et al. 2008 — B. Comrie, M. Haspelmath, B. Bickel. The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses. About the rules. Department of Linguistics of the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology & the Department of Linguistics of the University of Leipzig. 2008. Retrieved January, 28. P. 2010.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — M. Dalrymple, I. Nikolaeva. Objects and information structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- de Swart 2007 — P. de Swart. Cross-linguistic variation in object marking. Dissertation. Nijmegen: Radboud University, 2007.
- Du Bois 1987 — J. W. Du Bois. The discourse basis of ergativity // *Language*. 1987. Vol. 63. No. 4. P. 805–855.
- Givón 1983 — T. Givón. Topic continuity in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1983. P. 1–41.

- Haig 2018 — G. Haig, Geoffrey. 2018. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state // *Linguistics*. 2018. Vol. 56. № 4. P. 781–818. DOI:10.1515/ling-2018-0011.
- Hammarström et al. 2022 — H. Hammarström, R. Forkel, M. Haspelmath, S. Bank. 2022. *Glottolog* 4.6. URL: <https://glottolog.org/resource/languoid/id/urmi1250#refs> (дата обращения: 18.04.2023).
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries // *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. № 1. P. 1–33.
- Hoberman 1988 — R. D. Hoberman. Emphasis harmony in a Modern Aramaic dialect // *Language*. 1988. Vol. 64. No. 1. P. 1–26.
- Iemmolo, Klumpp 2014 — G. Iemmolo, G. Klumpp. Introduction // *Linguistics*. (Special issue on differential object marking). 2014. Vol. 52. № 2. P. 271–279.
- Iemmolo 2010 — G. Iemmolo. Topicality and differential object marking. Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 239–272.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. Differential object marking. Dissertation. Pavia: University of Pavia, 2011.
- Khan 2016 — G. Khan. The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmī. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016
- Mulder 2014 — M. Mulder. Differential object marking in Semitic. Master thesis. Amsterdam: University of Amsterdam, 2014. P. 32.
- Murre-van den Berg 1999 — H. L. Murre-van den Berg. From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmī Aramaic in the nineteenth century. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Object agreement, grammatical relations, and information structure // *Studies in Language*. 1999. Vol. 23. P. 331–376.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure // *Linguistics*. 2001. Vol. 39. № 1. P. 1–49.
- Ovsjannikova in process — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. Non-Urmī Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmīya, Russia. Pt. 1–2. In process.
- Pennacchietti, Tosco 1991 — F. Pennacchietti, M. Tosco. *Testi Neo-Aramaici dell'Unione Sovietica: Raccolti Da Enrico Cerulli*. Napoli: Istituto universitario orientale, Dipartimento di studi asiatici, 1991.
- Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it // *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33. P. 225–251.

References

- Agassiyev 2007 — S. A. Agassiyev. *Grammatika sovremennogo assiriyskogo yazyka* [A Grammar of Modern Assyrian]. Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen Press, 2007.
- Aissen 2003 — J. Aissen. Differential Object Marking. Iconicity vs. Economy. *Natural Language & Linguistic Theory*. 2003. Vol. 21. № 3. P. 435–483.
- Baerman 2007 — M. Baerman. Morphological reversals. *Journal of linguistics*. 2007. Vol. 43. № 1. P. 33–61.
- Comrie et al. 2008 — B. Comrie, M. Haspelmath, B. Bickel. *The Leipzig Glossing Rules: Conventions for interlinear morpheme-by-morpheme glosses About the rules*. Department of Linguistics of the Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology & the Department of Linguistics of the University of Leipzig. 2008. Retrieved January, 28. P. 2010.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — M. Dalrymple, I. Nikolaeva. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- de Swart 2007 — P. de Swart. *Cross-linguistic variation in object marking*. Dissertation. Nijmegen: Radboud University, 2007.
- Du Bois 1987 — J. W. Du Bois. The discourse basis of ergativity. *Language*. 1987. Vol. 63. No. 4. P. 805–855.
- Givón 1983 — T. Givón. *Topic continuity in discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1983. P. 1–41.
- Haig 2018 — G. Haig, Geoffrey. 2018. The grammaticalization of object pronouns: Why differential object indexing is an attractor state. *Linguistics*. 2018. Vol. 56. № 4. P. 781–818. DOI:10.1515/ling-2018-0011.
- Hammarström et al. — H. Hammarström, R. Forkel, M. Haspelmath, S. Bank. 2022. Glottolog 4.6. URL: <https://glottolog.org/resource/languoid/id/urmi1250#refs> (accessed: 18.04.2023)
- Haspelmath 2008 — M. Haspelmath. Frequency vs. iconicity in explaining grammatical asymmetries. *Cognitive Linguistics*. 2008. Vol. 19. № 1. P. 1–33.
- Hoberman 1988 — R. D. Hoberman. Emphasis harmony in a Modern Aramaic dialect. *Language*. 1988. Vol. 64. No. 1. P. 1–26.
- Iemmolo, Klumpp 2014 — G. Iemmolo, G. Klumpp. Introduction. *Linguistics*. Special issue on differential object marking. 2014. Vol. 52. № 2. P. 271–279.
- Iemmolo 2010 — G. Iemmolo. Topicality and differential object marking. Evidence from Romance and beyond. *Studies in Language*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 239–272.
- Iemmolo 2011 — G. Iemmolo. *Differential object marking*. Dissertation. Pavia: University of Pavia, 2011.

- Khan 2016 — G. Khan. *The Neo-Aramaic Dialect of the Assyrian Christians of Urmi*. Vols. 1–4. Leiden; Boston: Brill, 2016.
- Mulder 2014 — M. Mulder. *Differential object marking in Semitic*. Master thesis. University of Amsterdam. 2014. P. 32.
- Murre-van den Berg 1999 — H. L. Murre-van den Berg. *From a spoken to a written language. The introduction and development of literary Urmia Aramaic in the nineteenth century*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten, 1999.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Object agreement, grammatical relations, and information structure. *Studies in Language*. 1999. Vol. 23. P. 331–376.
- Nikolaeva 2001 — I. Nikolaeva. Secondary topic as a relation in information structure. *Linguistics*. 2001. Vol. 39. № 1. P. 1–49.
- Ovsjannikova et al. in process — M. Ovsjannikova, E. Zabelina, K. Kozhanov. *Non-Urmi Northeastern Neo-Aramaic varieties in the village of Urmiya, Russia*. Pt. 1–2. In process.
- Pennacchietti, Tosco 1991 — F. Pennacchietti, M. Tosco. *Testi Neo-Aramaici dell'Unione Sovietica: Raccolti Da Enrico Cerulli*. Napoli: Istituto universitario orientale, Dipartimento di studi asiatici, 1991.
- Sarkisov 2017 — I. V. Sarkisov. Differentsirovannoye markirovaniye obyektov v khristianskom urmiskom dialekte novoarameyeskogo yazyka [Differential object marking in the Christian Urmi dialect of the Neo-Aramaic language]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 371–392.
- Sarkisov 2018 — I. V. Sarkisov. K voprosu ob ergativnosti v novoarameyeskikh yazykakh [On the problem of ergativity in Neo-Aramaic languages] [Ergativity in Neo-Aramaic languages revisited]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XIV. Pt. 2. P. 380–399.
- Say 2020 — S. S. Say. Markirovaniye aktantov dvukhmestnykh predikatov v novoarameyeskikh idiomakh sela Urmiya [Two-argument predicate marking in the Neo-Aramaic idioms of the village of Urmiya]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 2. Pt. XVI. P. 654–689.
- Siewierska 1999 — A. Siewierska. From anaphoric pronoun to grammatical agreement marker: Why objects don't make it. *Folia Linguistica*. 1999. Vol. 33. P. 225–251.
- Tsereteli 1964 — K. G. Tsereteli. *Sovremennyy assiriyskiy yazyk* [Modern Assyrian languages]. Moscow: Nauka, Central Dept. of Oriental Literature. 1964.